

УДК 902/904+7.032

Зооморфные изображения Гройча в контексте палеоискусствоведческой проблематики

И. В. Шмидт

Омский государственный университет им Ф. М. Достоевского, Омск

И. Крафт

Археологическое ведомство Саксонии, Дрезден

Аннотация. Представлены результаты изучения изобразительных артефактов палеолитической стоянки Гройч, расположенной недалеко от г. Айленбурга (Северная Саксония, Германия). Помимо презентации неизвестного российским специалистам изобразительного комплекса памятника, обсуждается спектр палеоискусствоведческой проблематики, связанной с его исследованиями. Особенности гравировок формируют отдельный круг тем, не характерных для материалов этой группы. Ставится вопрос об авторстве гравированных изображений и обосновывается предположение о трех мастерах, участвовавших в их создании. Специфика кремневой фигурки заключена в объемной подаче монообраза. Предпринята попытка расширения аргументационной базы сторонников существования «художественного кремня» в эпоху верхнего палеолита.

Ключевые слова: Западная Европа, Северная Саксония, палеолит, мобильное искусство, изображения лошадей.

Введение

К настоящему моменту палеоискусствоведение накопило большое количество фактического материала, характеризующего художественные способности наших предков. Коллекции огромны, и некоторым из них посвящены отдельные издания [Leroi-Gurhan, 1971; Lorblanchet, 1997; Anati, 2002]. Разумеется, альбомы не в состоянии презентовать на своих страницах весь известный науке материал. Они, как правило, посвящены шедеврам, систематизированным по типам/видам/памятникам. Логика авторов и издателей понятна: для поддержания интереса к проблематике первобытной культуры и искусства необходимо демонстрировать вещи уникальные. Уже сложилась традиция их презентации, обозначен круг проблем и тем; баланс мнений и оценок относительно их значимости давно не меняется. Но специалистам хорошо известно, что это лишь малая часть коллекций, а шедевры – результаты усилий редких гениев [Шер, 1998, с. 173]. Так как массовый материал по тем или иным причинам остается в тени «великих полотен» палеолита, приятно отметить повышение интереса и к его исследованию. Недавно вышел в свет каталог малых форм и уникальных находок, хранящихся в археологическом собрании МАЭ РАН [Верхний палеолит ... , 2016], где представлен (хоть и не полностью) материал, редко включаемый в

энциклопедии первобытного искусства. Информативны новые снимки, интересны рассуждения авторов, раскрывающие гносеологическую и аксиологическую специфику изображений.

Мы, поддерживая это начинание, рассмотрим в настоящей статье небольшую, малоизвестную отечественным исследователям коллекцию изображений финала мадлена из Северной Саксонии (Германия). Принятие в оперативный актив новых источников не только расширяет кругозор, но и поддерживает методическую эрудицию исследователя, так как изобразительный материал палеолита редко существует лишь как коллекция артефактов. Большая его часть представлена своего рода «когнитивными моделями», оставленными нам предшественниками. Сосредоточим внимание на нескольких изображениях, где во всех случаях передан образ лошади, и сюжете, выявление тематического акцента которого отчасти уже состоялось, но, безусловно, еще требует внимания.

Обсуждение обозначенных изобразительных текстов затрагивает редкие, по ряду причин, для российского палеоискусствоведения проблемы: стилистический анализ изображений на мобильных предметах, авторство изобразительных текстов и их семантический диапазон, кремневая пластика палеолита и т. д. Следует отметить, что вклад отечественного научного сообщества в их развитие довольно скромнен. Поэтому, мы надеемся, обращение к западным материалам и моделям их анализа поможет оживить и, в определенной мере, методически скорректировать интерес к исследованию отечественных коллекций.

Краткая история исследования памятника

Уже более 80 лет Капелленберг – моренная гряда в районе г. Айленбурга – известен как место расположения позднепалеолитического комплекса Гройч (рис. 1). Он был открыт дважды – в 1932 г. Р. Бирке и в 1936 г. Х. Ханичем. Первые раскопки состоялись в 1952 г. под руководством Г. Мильденбергера. С 1954 г. археологическое исследование комплекса возглавлял Х. Ханич. С тех пор территория холма и прилегающей к нему округи находится под пристальным вниманием саксонских археологов [Hanitzsch, 1957, s. 8–9; 1972, s. 18–20; Guerel, 1988, s. 36]. Наличие воды (р. Мульда), участков, защищенных горой от ветра, обилие кремня и стратегически удобной для проведения охоты территории обусловили пребывание в этом месте групп людей на протяжении всей эпохи камня [Guerel, 1988, s. 36–37]. Поддержание их жизнедеятельности, вероятно, осуществлялось за счет охоты на стадных животных, остатки которых в песчанистых, увлажненных слоях не обнаружены. Месторасположение жилой зоны стоянки, поиски которой с перерывами продолжаются уже четвертое десятилетие, тоже остается неизвестным. Неоднократно указывалось на удобное для жизнедеятельности западное плато холма [Seiler, Runck, Kraft, 1999, s. 25], но в настоящий момент оно занято частными постройками, что исключает здесь археологическую активность (рис. 2).

Рис. 1. Карта Центральной Европы с указанием расположения местонахождения Гройч

Культурно-хронологическая атрибуция комплекса проведена с опорой на орудийно-типологический характер его коллекции, насчитывающей к настоящему времени более 154 000 экземпляров каменных артефактов [Hanitzsch, 1972, s. 115].

Изобразительные материалы: история обнаружения и презентация

Первые материалы, характеризующие изобразительную деятельность человека финала мадлена Саксонии, были обнаружены именно в Гройче – это несколько фрагментов черных шиферных пластин со следами гравировок на поверхности. Лишь одна из них, небольших размеров – 5,3×3,3×0,7 см, содержала фрагменты сюжетной композиции. Находка была сделана в 1958 г. Рольфом Дункелем в ареале D [Hanitzsch, 1972, s. 97; Kraft, 2010, s. 38] (см. рис. 2).

Гравировки. На условно принятой лицевой стороне пластины выгравированы изображения двух лошадей (рис. 3, 1). Вначале была выделена хорошо проработанная фигура, с ярко очерченной головой, миндалевидным глазом, изгибающейся линией шеи, зоной груди, прогибом спины. Несколько позже выполнено изображение помельче и «грубее», занимающее зеркальную позицию по отношению к первому. Но порядок нанесения изображений был обратным – лошадь, покрупнее и аккуратнее проработанная, появилась второй, это заметно по пересечению линий в зоне соединения ноздрей животных. Третье изображение лошади древний мастер расположил на оборотной

стороне пластины (рис. 3, 2). Образное тождество изображений вне сомнений, но, по-видимому, они рознятся авторством (об этом подробнее ниже).

Образ лошади активно воспроизводился палеолитическими мастерами во всех форматах и техниках, на различных материалах, характерных для палеолитической эпохи Западной Европы. Подтверждения тому обнаружены на близлежащих памятниках как в пещерах, так и на поселениях: гравировка на кости из Книгротта, на каменных пластинах из Петерсфельса, Клаузенхолла и Бальверхолла, гравировки лошадей на шиферных пластинах из Гённерсдорфа, на гальках в Оэлькнице [Kühn, 1935, s. 28; Hanitzsch, 1972, s. 99; Bosinski, Fischer, 1980, s. 79–116]. Но изображения из Гройча (как и перечисленные выше) обладают некоторыми особенностями его подачи: у них нет часто встречающейся густой щетины («бороды»), скрывающей скулы и нижнюю челюсть животного; отсутствует изображение гривы; нам неизвестно, как изображалось (и изображалось ли) ухо. На корпусах тел животных, в зоне перехода шеи в линию груди, заметны глубокие насечки – у всех трех в одном месте.

Особое внимание привлекают детали техники исполнения образов, обнаруживающие различия как между фигурами обеих сторон, так и двух, расположенных на лицевой. Речь идет о «почерках» мастеров. Те, что оформляли лицевую сторону, обладали особой техникой, как минимум, гравирования линий. Они организованы из переходящих друг в друга коротких резов, сливающихся в глубоком генеральном русле. Это отчетливо заметно в зонах их соединений: голова – шея, нижнее – верхнее веко, проработка нижней челюсти. Но в очертаниях скул/щек, глаз, линии лба и переносицы, аккуратности соединения в зонах головы и шеи, наконец, размерах изображений очевидна разница «рук» (рис. 3, 1; рис. 4, 1). Два изображения на одной поверхности выполнены разными людьми, по-видимому, принадлежавшими к одной «традиции/школе». Они одинаково подходили к организации линий – резы различной длины (соответственно, различной частоты), и работали похожими инструментами – каменными резцами, приостренными с двух сторон крутой ретушью, которые оставляют глубокий V-образный канал. Отметим лишь, что мастер «малой лошади» отдавал предпочтение малым по размеру резам, у второго они длиннее. Но, что особенно важно, они принципиально иначе видели генезис морфологических деталей образа. К примеру, мастер, трудившийся над созданием «большой лошади», вначале обозначил линию шеи сверху вниз, очертив контур шеи и груди, и после, слева направо в «два отрыва» – линию нижней челюсти (рис. 3, 1). В «малой лошади» линия груди – шеи ведется в обратном порядке – от груди к шее и не пересекается с линией нижней челюсти, проработанной в четыре-пять отрывов, более мелкими резам, позже генерализованными в углубленный канал. Порядок проработки глаз этих двух образов – нетрудоёмких, «элементарных» деталей – отличен в каждом случае, достаточно взглянуть на фото (см. рис. 3, 1; рис. 4, 1). Один мастер, даже с учетом всевозможных различных обстоятельств, сопровождавших изобразительный процесс, вряд ли бы обратился к подобным технико-стилистическим отклонениям в работе.

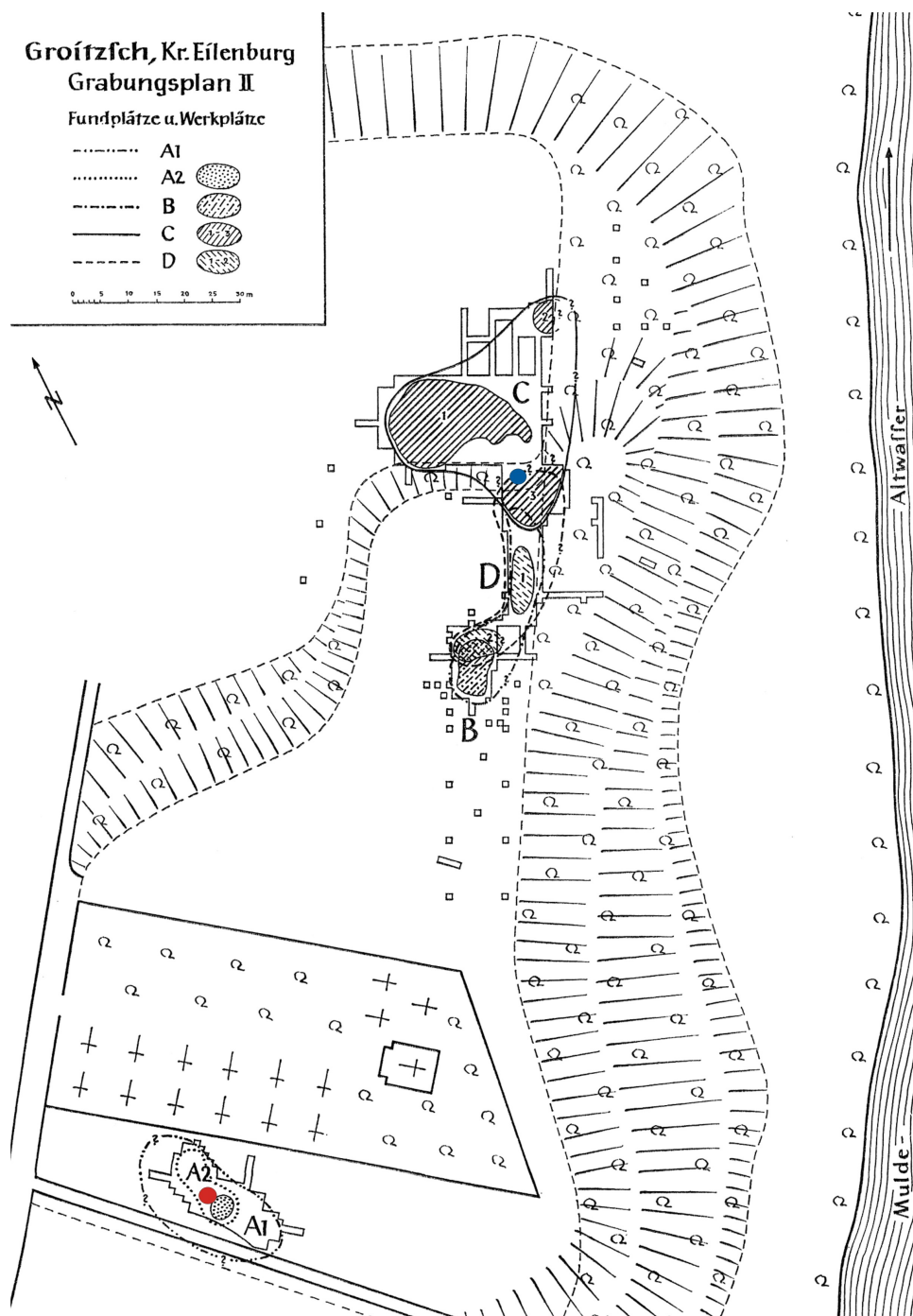

Рис. 2. План расположения находок: синим отмечено место обнаружения пластины с гравировками, красным – место обнаружения статуэтки (на плане археологического обследования местности 1952–1961 гг., ареалы А–D) [Kraft, 2010, s. 37, abb. 2]

1

2

Рис. 3. Шиферная пластина с гравировкой (фото Ю. Липтак, ©LfA Sachsen):
1 – лицевая сторона; 2 – оборотная сторона

На обороте образ подан иначе (рис. 3, 2; рис. 4, 2), техника получения линии отлична от представленных выше. Они проведены без отрывов, «уверенной рукой», но их повторение (дуближ) исключило появление генерального углубленного русла. Так работают живописцы и графики, но не гравёры. Широко раскрытый глаз – «маркер авторства» – обладает особой конфигурацией, непохожей на предыдущие варианты. Усиленная моделировка в зоне перехода от шеи к груди привела к получению двух совмещенных контуров: рельефного и сплошного, напоминающего варианты на обороте (для сравнения см. рис. 3, 1, 2)¹. Неполностью проработана зона нижней челюсти животного, что было важно для мастеров, трудившихся над созданием образов на лицевой стороне (для сравнения см. рис. 4, 1, 2). Иначе подано соединение головы с шеей. Инструментом мастеру служил каменный резец, оставляющий широкий U-образный канал.

Еще раз отметим наиболее важное, на наш взгляд, в результатах наблюдений. Особенности деталей трех изображений, едва заметные при генеральном восприятии образов («без мелочей»), начинают выдавать «присутствие в полотне» нескольких мастеров, когда внимание переключается на анализ «тонкой» игры линий и мелких деталей изображений, тогда, когда они становятся «изобразительными текстами», с присущими данной категории особенностями анализа.

После нанесения изображений с обеих сторон плитка находилась в контексте действий/практик, в ходе которых на ее поверхности появились следы «расчесов». В зоне голов животных они видны невооруженным глазом. Пострадала и целостность «полотна». Изначально оно обладало, очевидно, подчетыреугольной формой с искусственно заглаженными кантами, оформленными с обеих сторон по периметру рядами коротких наклонных насечек (рис. 4, 2). К настоящему моменту сохранилась лишь незначительная его часть.

Кремневая фигурка. Исследование стоянки у Капелленберга продолжилось в 2004 г., когда на прилегающей к изученным участкам территории началась выборка котлована под жилое строение. Прирезка в 40 м² получила название Гройч-10 (GCR-10). Культурный слой, местами переотложенный, мощностью в среднем до 20 см и заключенный в светло-желтую лессовидную супесь, зафиксирован на глубине 40 см от дневной поверхности. Именно на эту глубину экскаватором была снята поверхность на участках, как ранее обследовавшихся, так и не изучавшихся, прилегающих к ним. При зачистке освобожденной поверхности были собраны каменные артефакты, технология получения и особенности обработки которых указывали на их принадлежность финалу палеолитической эпохи. Группу находок составили 61 отщеп, 2 фрагмента ножевидных пластин, 6 сколов. Среди последних выявлена находка, формально не соответствующая группе отходов производства и промышленных артефактов.

¹ Вероятно, можно рассуждать о вариантах подправки ранее существовавшего изображения.

Изделие, изготовленное из первичного скола, снятого с кремневой гальки средних размеров, обратило на себя внимание наличием деталей, позволивших его рассмотреть в качестве зооморфной кремневой статуэтки. Фигурка передает, по-видимому, образ лошади (рис. 5). Ее параметры: высота – 4,2 см, длина – 4,2 см, ширина – 2,5 см. Обладает широким устойчивым базисом длиной 3,6 см, шириной – 1,4 см. Из массы других артефактов выделяется гармонией внешних параметров (до миллиметра вписывается в квадрат) и «непроизвольным» сочетанием сколов, нанесенных на поверхность камня с учетом особенностей природного окраса каменного сырья.

1

2

Рис. 4. Шиферная пластина с гравировкой (фото М. Руммер, ©LfA Sachsen):
1 – крупный план части гравировки на лицевой стороне (без масштаба); 2 – крупный план части гравировки на оборотной стороне (без масштаба)

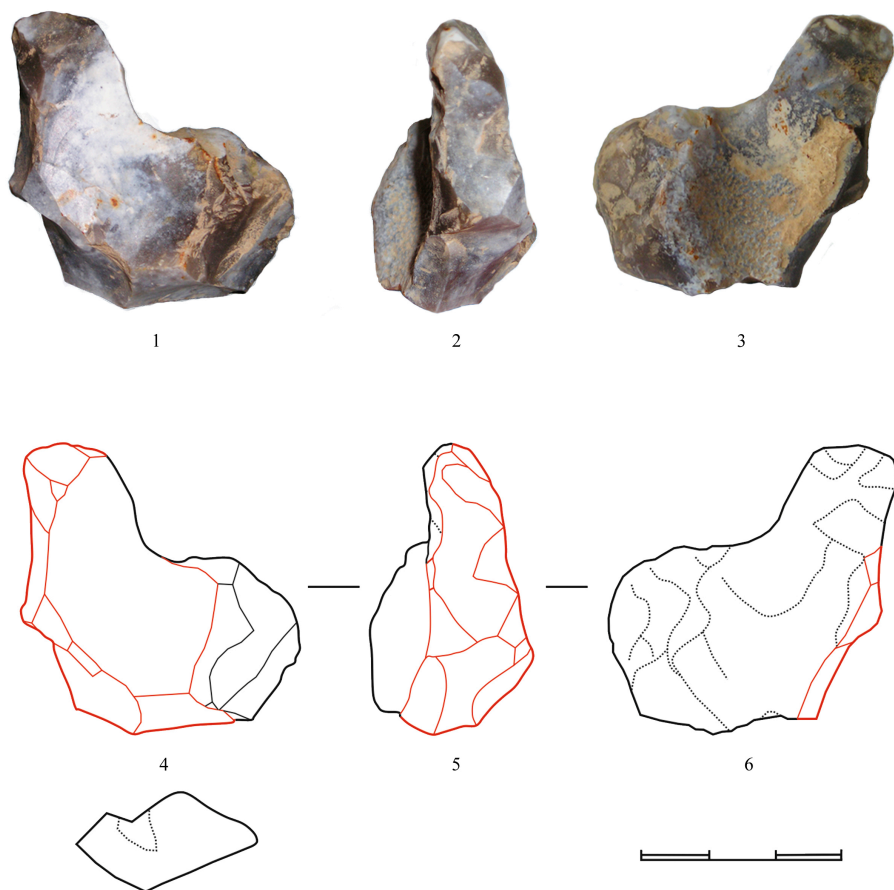

Рис. 5. Кремневая фигурка (фото и прорисовка И. В. Шмидт):
1, 4 – вентрал; 2, 5 – анфас; 3, 6 – дорсал (красным цветом обозначены грани моделирующих сколов, пунктиром – естественные неровности рельефа)

Отталкиваясь в дальнейших рассуждениях от тезиса о том, что первичные сколы, как правило, после отделения от гальки не получали дополнительной обработки, кратко представим зафиксированные на поверхности изделия негативы моделирующих снятий. Для удобства выделим в нем вентральную и дорсальную стороны (по прилеганию к нуклеусу).

Вентральная сторона изделия оформлена тщательно (рис. 5, 1, 4). Крупными снятиями выделены основные детали тела животного: нижний передний отдел, шея, переходящая плавно в спину и круп, зона у основания. Уже на этой стадии обработки артефакт приобрел достаточную схожесть с зооморфным образом. Несколько снятий меньших размеров в области головы и столько же в области груди уточнили детали. Микроснятия в области головы мягко соединили ее с зоной удлиненной шеи.

Дорсальная часть изделия почти не обработана (рис. 5, 3, 6). Это может быть связано с тем, что мастером изначально была отмечена «художественность»

естественного рельефа и контуров скола; именно «художественная провокативность» дорсальной его части подтолкнула к дальнейшей обработке вентрала. Отсутствие следов дополнительных усилий над уточнением деталей дорсала можно расценивать как их изначальную достаточность. Потребовалось лишь несколько снятий в передней части фигурки (что, скорее всего, связано с оформлением анфаса): одно, вертикально ориентированное, относительно крупных размеров у основания и два мелких чуть выше. Последние два небольших снятия обеспечили точку соединения обработанных зон дорсала и вентрала (рис. 5, 2, 5). Остальная часть дорсальной поверхности скола осталась покрытой галечной коркой.

Зона базиса/основания «подромбовидных» очертаний получена благодаря одному крупному снятию. В срезе базиса заметна небольших размеров каверна естественного происхождения, часть изгиба которой видна при дорсальной позиции фигурки.

Формальное описание изделия закончим презентацией особенностей его архитектуры. Она необычна. Вертикальный прогиб в медиальной зоне фигурки придает выпуклость ее вентральной части. Поддержанный несколькими крупными снятиями с вентральной стороны, он позволяет располагать фигурку еще в двух-трех положениях с изменениями градуса наклона к горизонтальной плоскости. Это делает ее более «динамичной» – «лежащее животное», «приподнимающееся животное» [Шмидт, 2006, с. 60]. Образность при этом остается неизменной. Манипулятивная динамичность фигурки подкреплена динамичностью образной, что запечатлено в попытке передать движение тела животного. Уже упоминавшаяся серия сколов в зоне соединения вентрала и дорсала фигурки может быть принята моделированием приподнятой и согнутой в колене ноги лошади. Но хочется предложить еще один вариант прочтения данного рельефа. Зона шеи и груди лошади была особенно важна для мастеров Гройча. Именно в этом месте в гравировках располагается насечка/«рана». Не исключено, что и в произведениях иных форматов, но уже другими приемами автор старался передать ту же деталь и тем самым воспроизвести тот же сюжет. В этом случае интенсивная обработка сколами данной зоны у кремневой фигурки получает другое «прочтение» и несколько иную семантическую нагрузку – это могут быть знаки раны/рассечения.

В заключение описания фигурки отметим поддержку особенностей ее рельефа цветовой гаммой каменного субстрата. Кремль из Гройча преимущественно пепельно-коричневого и серого оттенков часто содержит светло-серые, белесые, без четких границ, вкрапления разных размеров и форм. Одно из таких пятен было «обнаружено» при обработке скола. Светло-серое аморфное пятно совпало с участками шеи и спины образа и ярче выделило голову и круп фигуры. Умелое использование мастером неоднородности кремневого окраса, совмещение архитектурного текста (создание/построение которого зависело исключительно от него) с «игрой красок» каменного сырья дает возможность привлечь фигурку к рассмотрению проблем развития палеоглиптики в эпоху палеолита [Табарев, 1992].

Интерпретация и обсуждение результатов исследования

Как было отмечено, в Гройче обнаружено несколько экземпляров шиферных плиток со следами гравировок, но большая их часть сильно повреждена. Еще одно гравированное изображение ожидает своего образного прочтения; материал пока не опубликован. Таким образом, лишь четыре описанных выше изображения лошади представлены научному сообществу. Некоторые из обозначенных особенностей изображений привлекли к себе дополнительное внимание и получили первичную интерпретацию.

Особенности гравировок: интерпретация сюжета и техники. Внимание исследователей гравировок из Гройча было сконцентрировано на сюжете, особенность которого заключается в наличии у изображенных животных насечек/ран в области груди. К настоящему времени мы располагаем его двойкой интерпретацией. Есть сторонники прочтения данного знака в контексте магической и ритуальной гипотезы, в качестве следов порезов и ран, «превентивно» обеспечивающих добычу зверя. Палеолитические охотники могли пользоваться данными изображениями в ходе «магической подготовки» к предстоящему событию. Организовав ритуальную встречу своего оружия и зверя в изобразительном пространстве, они надеялись на реализацию изображенного сценария в предстоящей реальности. В данном случае создание изображений рассматривается либо как ритуально-магический акт, либо как его часть [Hanitzsch, 1972, s. 98–99].

Другой вариант прочтения знака апеллирует к стечению обстоятельств, без какого-либо подключения магии, которое могло иметь место на охоте и позже было перенесено на полотно. Его предложил К. Нарр со ссылкой на опыт Джона Теннера (1789–1819). В детстве он был украден индейцами оджибве и прожил в их группе более тридцати лет. Согласно его мнению, сюжеты, подобные обсуждаемому, являются отображением исторического факта, запечатленного охотниками [Narr, 1983].

Обе традиции восприятия/интерпретации материала предполагают наличие аналогий. Их поиск привел исследователей в юго-западную Тюрингию. Похожая каверна заметна на изображении оленухи из Заалека (округ Наумбург), также выполненном на шиферной пластине (рис. 6). Это стоянка эпохи позднего мадлена, расположенная в 70 км от Гройча [Taute, 1969]. Территориальная близость и общность ключевой детали в изобразительных текстах позволяют предположить тесные контакты между двумя соседними группами.

Тема контакта/диалога, зафиксированного изобразительным образом, единым знаково-символическим языком, приобретает особую значимость для наших рассуждений в свете выявленных нами авторских особенностей гравированных изображений. Создание изобразительного текста тремя людьми – это акт взаимодействия конкретных лиц, а возможно, учитывая некоторые стилистические различия, и соседствующих групп. Контактирующие лица пользовались одним знаково-символическим аппаратом, исключая ошибку в понимании содержания послания – речь идет о конкретном образе и конкретных намерениях относительно него. Это могли быть как охота, так и ритуальное событие, требующие участия соседствующих

групп. Хотелось бы прояснить и временную перспективность данного сюжета: состоявшееся или же планируемое мероприятие? Но вряд ли подобного рода уточнения относительно палеолитического материала возможны. Отметим лишь экстраординарность самого события, связанного с необходимостью компоновки на одном небольшом полотне (даже с учетом его изначальных предполагаемых параметров) «канонического сюжета», выполненного тремя мастерами. Из понятных нам культурно-исторических практик мы можем сравнить его с «дипломатическим контактом», скрепленным авторскими изображениями предмета переговоров и действий относительно него – они договаривались о «лошади с рассеченной шеей».

Рис. 6. Изображение головы оленухи из Заалека [Tautе, 1969, Taf. 13]

Первоначально композиции из Гройча, очевидно, были богаче образами, но с утратой части пластины судить об этом невозможно. Во многом остаются непонятными и участки сохранившегося текста, в частности штриховое заполнение пространства между двумя изображениями лошадей лицевой стороны (см. рис. 3, 1). Оно может быть принято попыткой условно-символической передачи травы поля, на котором пасутся/лежат животные, или же фиксацией количества убитых на охоте животных – 15 туш, речь могла идти и о количестве времени, требуемом для подготовки (совместной?) охоты – полмесяца и т. д. Уточнение содержательности данных деталей требует дополнительных источников для рассуждений.

Относительно назначения/эксплуатации данного изделия также возможны лишь общие предположения. Если над его созданием трудилось несколько человек и если считать генеральной темой сохранившихся изображений некий акт, в центре которого находилось раненое животное, то «шиферное послание» можно рассматривать и своеобразным «пригласительным» к совместному проведению некоего мероприятия, и «обсуждением» стратегии охоты/ритуала, «согласованием» объекта коллективных усилий. Но исторический характер данных текстов нам кажется более очевидным (он «лежит на поверхности»), чем магический.

В качестве талисмана охотника предлагал рассматривать это изделие Х. Ханич. Согласно его мнению, вещь была большой ценностью для обитателей стоянки и передавалась из поколения в поколение, носилась на кожаном ремешке, продеваемом через утраченное ныне отверстие [Hanitzsch, 1972, s. 98]. В настоящее время данное предположение оспаривается. Шифер – мягкий материал, на котором достаточно легко можно заметить заглаженности и заполированности на выпуклых участках пластины от долгого контакта с мягкими материалами. Бинокулярное исследование показало, что их нет [Kraft, 2010, s. 41]. Предмет не носили на теле или поверх меха, не терли в ладонях и т. д. Имеющиеся на поверхности следы расчесов – результат целенаправленных действий, возникших в короткий отрезок времени после нанесения гравировок. Основной целью данного акта, как считают специалисты, было желание соскоблить сами образы животных, так как на остальном поле пластины этих царапин нет. Процесс был начат, но оставлен незавершенным. Не исключено, что разрушение пластины дало желаемый результат намного быстрее.

Кремневая фигурка. Проблемы идентификации и введения в научный оборот художественных изделий из кремня хорошо известны. Не вникая в детали каждой из них, обратим внимание на необычность каменной фигурки из Гройча, на ее отличие от большинства нам известных. Фигурка входит в группу объемной каменной пластики, точнее, является объемной кремневой статуэткой (с возможностями независимой стационарной презентации) с искусственной обработкой поверхности. Достаточно редкое явление. Если пытаться найти хоть какие-нибудь аналогии, например, техническому аспекту ее изготовления, то речь пойдет об известной антропоморфной фигурке из Берхат Рам [Goren-Inbar, 1986; D'Errico, Nowell, 2000], кремневой статуэтке бизона из Альстерталя [Matthes, 1963, Taf. 7.1] (рис. 7) или же кремневой статуэтке медведя из собраний музея г. Хайльбронна [Kunze, 1982, s. 40, abb. 28], полиэйконических изображениях из мергеля, обнаруженных в Костенках I [Фрадкин, 1969, 1985], и некоторых образцах пластики Малой Сьи, выполненных из различных пород камня [Ларичев, 1978], «сибердиковском валунчике» с Верхней Колымы [Кирьяк (Дикова), 2000, с. 51, рис. 9], а также непалеолитических, но очень близких технически рассматриваемой фигурке объемных изображениях уральской и дальневосточной зон [Сериков, 2014; Кирьяк (Дикова), 2000]. Презентация подобного материала – событие редкое; перечислены наиболее известные, не столько

благодаря своей исключительности, сколько критике в их адрес – она была одинаково сокрушительной и в западном, и в отечественном научных сообществах. Но ситуация постепенно меняется. С течением времени исчезают либо источники «пристального внимания» – коллекция В. Матфеса, либо сомнения – например споры вокруг материалов Малой Сьи постепенно утихают, заметно обращение к исследованиям некоторых из них [Предметы неутилитарного назначения ... , 2014]; публикуются скульптуры из мела и известняка Костенок I, ранее неизвестные широкому кругу специалистов [Верхний палеолит ... , 2016]; в позитивном тоне ведутся рассуждения о палеолитической кремневой пластике [Чубур, 2017]. Пришло понимание того, о чем говорилось давно, – эволюция изобразительной деятельности была не менее долгой и не менее непредсказуемой, как и эволюция всего остального. Факты, подтверждающие данное положение вещей, обладают определенной спецификой и не рассчитаны на технолого-типологический подход, практикуемый в палеолитоведении². Необходимо принять и осознать незаметность появления данного феномена для археологии [Archaeological Evidence ... , 2003; D'Errico, Gaillard, Misra, 1989; D'Errico, Nowell, 2000; Edwards, 1978; Chase, Dibble, 1987; Bednarik, 1990, 1998, 2001, 2003; Vialou, 1992, s. 4–7; Палеолит Восточных предгорий ... , 2001, с. 69–70; Сериков, 2011, 2015]. Его присутствие становится безусловным в результате «воспитания глаза» исследователя через «насматривание» различных образцов и конструктивное обсуждение методических подходов к выявлению наиболее очевидных из них.

Рис. 7. Объемная кремневая фигурка бизона из Альстерталя [Matthes, 1963, Taf. 7.1]

² Опора на него часто приводит к ошибочным представлениям даже в сфере орудийного развития палеолита, не говоря уже об искусстве данной эпохи [Степанова, 2015, с. 3].

Критерии «очевидности» кремневой пластики пока слабо систематизированы, но обозначим те, которые имеют отношение к рассматриваемой фигурке:

1) отклонение в форме и обработке от стандартизированных оружейных комплексов, характерных для эпохи и региона/культуры [Сериков, 2014, с. 19];

2) контекст обнаружения находки – важен любой, от планиграфического до образного; наличие «канонического отзвука» (серийности) в морфологии и архитектуре произведения [Чубур, 2017, с. 1141];

3) обобщенная трехмерная моделировка реальных образов и объектов, сохранение основных пропорций прототипа [Кирияк (Дикова), 2000, с. 47; Шмидт, 2014].

В отношении указанных признаков статуэтка из Гройча выгодно отличается от близких ей. Обработка скола вызовет вопросы у скептиков, а обобщенная трактовка, пропорции, морфологические особенности кремневого изображения вдохновят на поиск образного прототипа, в первую очередь, в коллекциях самой стоянки. Изобразительные тексты Гройча демонстрируют образ лошади, переданный в гравировках. Это дает возможность понять, насколько он (образ) был ценен для человека; насколько «впечатан» в сознание, что случайное сходство формы скола с ним не могло оставить наблюдателя равнодушным. Срабатывали и закон апперцепции, и закон замыкания, правило константности восприятия и т. д. (известные нам из гештальт-психологии, обусловленные врожденными особенностями центральной нервной системы нашего вида, а не эпохой его существования), позволяющие легко менять формат наблюдения и даже игнорировать его, когда речь идет о чем-то содержательно важном [Найссер, 1981, с. 34–52, 123–140]. В контексте наличия гравировок лошадей в коллекциях памятника, появление их пластического инварианта выглядит ожидаемым и естественным. Необходимость/желание обладать «лошадью Гройча» заставили доработать скол до «более конкретного» состояния – была уточнена форма, образ получил знаковые элементы (насечки в области шеи), подчеркивающие его близость важной для обитателей стоянки теме.

Предлагая интерпретацию данного произведения, отметим, что для нас это, прежде всего, субъективный когнитивный акт, направленный на понимание изобразительного текста в отдельных аспектах его создания, бытования, знаково-символической содержательности, реализованный, по возможности, без опоры на генеральные известные им гипотезы (освобожденный, насколько это возможно, от их влияния). Важной для нас была «истина вещи», запечатленная в ее форме и знаковом оформлении, к восприятию которой мы оказались готовы на основе формального анализа конкретного факта. Любая истина принципиально двойственна (истина автора и истина интерпретатора) и неисчерпаема, поэтому говорить об интерпретации как «результате» – четких и ясных формулировках, раскрывающих, например, суть содержательности фигурки, мы полагаем, преждевременно (да и невозможно). Для этого необходим «хор» мнений, внимание к ней различных

специалистов, дополнительная контекстуальная информация, выявляющая заложенные в изобразительном тексте смыслы, наконец, расширение горизонтов опыта. Мы предлагаем наше субъективное, дискретное видение/ понимание фигурки, основанное, прежде всего, на анализе ее формы.

Некоторые наши взгляды по данному вопросу уже были изложены в рассуждениях о природе и особенностях творческого импульса мастера, аргументациях образной трактовки фигурки. Необозначенной остается ее прагматическая составляющая – для чего она была создана и насколько адекватно замыслу использовалась, исходя из формальных особенностей и состояния? Рассуждения на этот счет ограничены анализом внешних параметров и состояния поверхности фигурки. Она чрезвычайно маленькая (4×4 см), «теряется» в ладони взрослого человека (особенно если вложена вентральной, выпуклой стороной). Какой интерес может вызывать портативная фигурка у взрослого человека? Скорее, она была бы интересна ребенку. В любом случае, возраст владельца нам остается неизвестным. Но, с опорой на результаты анализа состояния ее поверхности, мы можем утверждать, что к ней проявляли определенный интерес. В частности, хорошо заметны в некоторых местах шероховатость, в других – сглаженность ранее острых граней сколов, залощенность отдельных поверхностей. Специфика микроповреждений говорит о том, что ее часто роняли. Сами повреждения хаотичны и не могут быть объяснены последующим тафономическим бытованием фигурки (перемещение в песках может вызывать лишь появление микроцарапин, а не выщерблин). Выщерблины заметны на гранях тулова фигурки, грани же базиса и прилегающих к нему зон сколов следов повреждений не демонстрируют, они остались острыми. Залощенность поверхностей и сглаженность граней сопряжены с зоной «головки» изделия.

Дальнейшие рассуждения относительно природы/контекстов происхождения указанных следов воздействия необходимо вести рамках отдельных исследований. Напомним, что археологический контекст обнаружения фигурки, как и другие сведения, необходимые для продолжения интерпретации, чрезвычайно бедны: изделие можно привязать к местонахождению, однако обнаружено оно в ходе сборов в производственной зоне поселения на глубине залегания культурных отложений, датироваемых финалом палеолита. Воспринимать ее оберегом/талисманом, детской игрушкой, марионеткой театральных/обрядовых действий, чем-либо еще – для этого нужны дополнительные основания. Исследования данного памятника еще не завершены.

Заключение

Изобразительный комплекс стоянки Гройч у Капелленберга необычен в своем генеральном сюжете и попытках его трансляции в различных изобразительных форматах – гравировка и кремневая статуэтка. Детальный анализ каждого из них способствует развитию отдельных тем, не характерных для отечественного палеоискусствоведения.

1. Для гравировок лошадей – это проблема авторства всех трех изображений. Тема привычная в анализах монументального пещерного искусства, но неожиданна для изобразительных текстов мобильных форматов.

Микроанализ деталей техники исполнения гравировок, стилистические сравнения чрезвычайно плодотворны. Работа нескольких мастеров над созданием композиций заставляет задуматься, прежде всего, над проблемами диалоговых и коммуникативных практик палеолита. Сложно отрицать факт их наличия в палеолите, но нам никогда еще не предоставлялся конкретный источник для организации наших рассуждений в данном направлении. И подобных материалов, мы уверены, значительное количество. Не обладая уникальностью, они лишь эпизодически привлекают к себе внимание отдельных специалистов. Их анализ должен быть выведен на уровень работы с микродетальями, способствующими организации изобразительного текста.

2. Выявленный сюжет, объединяющий и гравировки и статуэтку, вероятно, не дарит ничего принципиально нового относительно тематического спектра изобразительной деятельности палеолитической эпохи; известно большое количество изображений раненых животных. Но важным оказывается факт выявления конкретного сюжета для организации группового контакта, темы диалога, переданной через унифицированные знаково-символические формы. Мы знаем, что палеолитические люди общались между собой, но спектр тем и порядок организации их обсуждения в палеолите («механика» общения, логика развития диалогов) нам остаются неизвестными³.

3. Немаловажно для нашего исследования и то, что и образность и сюжет, поданные в формате гравировки, помогают «увидеть»/идентифицировать кремневую статуэтку, задуматься о принципиальном разнообразии форматов, используемых для передачи важной для древнего человека темы в рамках одного коллектива (либо соседствующих групп). Археологические материалы поселений, где уже были обнаружены свидетельства изобразительной деятельности, должны исследоваться тщательнее на предмет разнообразия изобразительных источников, особенно тех, увидеть которые мы не готовы или же концептуально отвергаем факт их существования. Да, многое исчезло и исчезает, но наш предок старался предотвратить забвение тем, для него важных, различными способами. Важные, «канонические» темы всегда поданы в разнообразии кодов и форматов [Лотман, 2004, с. 400].

Исследования у Каппеленберга периодически возобновляются. Полевые сезоны приносят новые материалы. Авторы данного сообщения уверены, что палеоискусствоведческий потенциал данного памятника не исчерпан. Новые находки должны перестать быть лишь единицами хранения в музейных запасниках, каждая из них готова открыть новую тему в рассмотрении палеолитической (и шире – первобытной) культуры.

Список литературы

Верхний палеолит: образы, символы, знаки. Каталог предметов искусства малых форм и уникальных находок верхнего палеолита из археологического собрания МАЭ РАН / отв. ред. Г. А. Хлопачев. – СПб. : Экстрапринт, 2016. – 384 с.

---

³ К примеру, «маленькая лошадка» мала размерами не потому, что мастер испытывал недостаток пространства для воплощения мысли – она появилась раньше «большой лошади»; он осознавал необходимость резерва изобразительного пространства для получения «ответа» и т. д.

Кирьяк (Дикова) М. А. Древнее искусство Севера Дальнего Востока как исторический источник (Каменный век) / М. А. Кирьяк (Дикова). – Магадан : СВКНИИ ДВО РАН, 2000. – 288 с.

Ларичев В. Е. Искусство верхнепалеолитического поселения Малая Сья: Датировка, виды его и образы, их художественный стиль и проблема интерпретации (предварительное сообщение) / В. Е. Ларичев // Изв. СО АН СССР. – 1978. – № 11, вып. 3. Сер. обществ. наук. – С. 104–119.

Лотман Ю. М. Семиосфера / Ю. М. Лотман. – СПб. : Искусство-СПб, 2004. – 704 с.

Найссер У. Познание и реальность. Смысл и принципы когнитивной психологии / У. Найссер. – М. : Прогресс, 1981. – 232 с.

Палеолит Восточных предгорий Арц-Богдо (Южная Гоби). Каменный век Монголии / А. П. Деревянко, А. И. Кривошапкин, В. Е. Ларичев, В. Т. Петрин. – Новосибирск : Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2001. – 152 с.

Предметы неутилитарного назначения верхнепалеолитического местонахождения Малая Сья (технологический аспект) / Л. В. Лбова, П. В. Волков, Н. А. Долгорукова, А. В. Барков, В. Е. Ларичев // Вестн. НГУ. Сер. История, филология. – 2014. – Т. 13, вып. 5: Археология и этнография. – С. 91–100.

Сериков Ю. Б. О своеобразии кремневой скульптуры Урала / Ю. Б. Сериков // Челябин. гуманитарий. – 2011. – № 1 (14). – С. 146–161.

Сериков Ю. Б. Очерки по первобытному искусству Урала / Ю. Б. Сериков. – Нижний Тагил : Изд-во Нижнетагил. гос. соц.-пед. акад., 2014. – 268 с.

Сериков Ю. Б. Полиэконические образы в скульптуре Урала / Ю. Б. Сериков // Материалы всерос. науч.-практ. конф. «Зырянские чтения». Курган, 10–11 дек. 2015 г. – Курган, 2015. – С. 29–30.

Степанова К. Н. Немодифицированные каменные орудия верхнего палеолита Восточной Европы : автореф. дис. ... канд. ист. наук / К. Н. Степанова. – СПб., 2015. – 33 с.

Табарев А. В. Кремневая пластика и проблема декоративного освоения пород и минералов в каменном веке / А. В. Табарев // Арсеньевские чтения. – Уссурийск, 1992. – С. 206–208.

Фрадкин Э. Е. Полиэконическая скульптура из верхнепалеолитической стоянки Костенки-1 / Э. Е. Фрадкин // СЭ. – 1969. – № 1. – С. 135–143.

Фрадкин Э. Е. О нескольких ранних произведениях изобразительного искусства / Э. Е. Фрадкин // СЭ. – 1985. – № 2. – С. 122–127.

Чубур А. А. Антропоморфная кремневая скульптура палеолита / А. А. Чубур // V (XXI) Всерос. археол. съезд. – Барнаул, 2017. – С. 1140–1141.

Шер Я. А. Первобытное искусство (проблема происхождения) / Я. А. Шер. – Кемерово : Изд-во Кемеров. гос. ин-та искусств и культуры, 1998. – 211 с.

Шмидт И. В. Гройч-10. Кремневая статуэтка зооморфа и ее дальневосточные параллели / И. В. Шмидт // Мир древних образов на Дальнем Востоке. – Владивосток, 2006. – Вып. 15. – С. 55–65.

Шмидт И. В. «Кремневые» парадоксы – визуальные практики палеолита / И. В. Шмидт // Вест. Ом. ун-та. Сер. Ист. науки. – 2014. – № 4. – С. 79–85.

Anati E. Höhlenmalerei / E. Anati. – Düsseldorf : Albatros Verlag, 2002. – 422 s.

Archaeological Evidence for the Emergence of Language, Symbolism, and Music – An Alternative Multidisciplinary Perspective / F. D'Errico, C. Henshilwood, G. Lawson, M. Vanhaeren, A.-M. Tillier, M. Soressi, F. Bresson, B. Maureille, A. Nowell, J. Lakarra, L. Backwell, M. Julien // Journal of World Prehistory. – 2003. – Vol. 17 (1). – P. 1–70.

Bednarik R. G. An Acheulian haematite pebble with striations / R. G. Bednarik // Rock Art Research. – 1990. – Vol. 7. – P. 75.

Bednarik R. G. The «australopithecine» cobble from Makapansgat, South Africa / R. G. Bednarik // South African Archaeological Bull. – 1998. – Vol. 53. – P. 4–8.

- Bednarik R. G.* An Acheulian figurine from Morocco / R. G. Bednarik // *Rock Art Research*. – 2001. – Vol. 18. – P. 115–116.
- Bednarik R. G.* A figurine from the African Acheulian / R. G. Bednarik // *Current Anthropology*. – 2003. – Vol. 44 (3). – P. 405–413.
- Bosinski G.* Mammut- und Pferdedarstellungen von Gönnersdorf / G. Bosinski, G. Fischer // *Der Magdalenien-Fundplatz Gönnersdorf*. – Wiessbaden : Steiner, 1980. – Band 5. – 146 s.
- Chase P. G.* Middle Palaeolithic symbolism: A review of current evidence and interpretations / P. G. Chase, H. L. Dibble // *Journal of Anthropological Archaeology*. – 1987. – Vol. 6. – P. 263–296.
- D'Errico F.* New Look at the Berekhat Ram Figurine: Implications for the Origins of Symbolism / F. D'Errico, A. A. Nowell // *Cambridge Archaeological Journal*. – 2000. – N 10. – P. 123–167.
- D'Errico F.* Collection of nonutilitarian objects by Homo erectus in India, Hominidae / F. D'Errico, C. Gaillard, V. N. Misra // *Hominidae*. – Milan : Jaca Book, 1989. – P. 237–239.
- Edwards S. W.* Non-utilitarian Activities in the Lower Palaeolithic: A look at the two kinds of Evidence / S. W. Edwards // *Current Anthropology*. – 1978. – Vol. 19. – Is. 1. – P. 135–137.
- Goren-Inbar N.* A figurine from the Acheulean site of Berekhat Ram / N. Goren-Inbar // *Mitekufat Haeven*. – 1986. – N 19. – P. 7–12.
- Guepel V.* Spätmagdalenien-Station Groitzsch, Kr.Eilenburg / V. Guepel // *Archäologische Feldforschungen in Sachsen. Fünfzig Jahre Landesmuseum für Vorgeschichte Dresden*. – Berlin, 1988. – S. 36–39.
- Hanitzsch H.* Die Spätmagdalenien-Station Groitzsch bei Eilenburg (Fundplatz A) / H. Hanitzsch // *Varia Praehistorica*. – 1957. – N 2. – S. 5–27.
- Hanitzsch H.* Groitzsch bei Eilenburg. Schlag- und Sidlungplätze der späten Altsteinzeit / H. Hanitzsch. – Berlin : VEB Deutscher Verlag der Wissenschaften, 1972. – 121 S.
- Kraft I.* Die Pferdegravierungen von Groitzsch. Neues zu einem altbekannten Stück figürlicher Eiszeitkunst / I. Kraft // *Archäo*. – 2010. – N 7. – S. 37–41.
- Kühn H.* Die vorgeschichtliche Kunst Deutschlands / H. Kühn. – Berlin : Propyläen Verlag, 1935. – 612 s.
- Kunze H.* Unbekannte Funde der Vorzeit / H. Kunze. – Fürth : Ulrich-Druck GmbH, 1982. – 152 s.
- Leroi-Gurhan A.* Prähistorische Kunst. Die Ursprünge der Kunst der Europa / A. Leroi-Gurhan. – Freiburg, Basel, Wien : Herder, 1971. – 601 s.
- Lorblanchet M.* Höhlenmalerei – ein Handbuch / M. Lorblanchet. – Sigmaringen : Thorbecke, 1997. – 340 s.
- Matthes W.* Die Entdeckung der Kunst des Älteren und Mittleren Paläolithikums in Norddeutschland / W. Matthes // *IPEK*. – 1963. – N 21. – S. 1–18.
- Narr K. J.* Felsbild und Weltbild. Zu Magie und Schamanismus im jungpaläolithischen Jägertum / K. J. Narr // *Sehnsucht nach dem Ursprung. Zu Mircea Eliade*. – Frankfurt a. M. : Syndikat, 1983. – S. 118–136.
- Seiler M.* Ein neuer Schlagplatz des Spätmagdalenien von Groitzsch bei Eilenburg (Lkr. Delitzsch) / M. Seiler, D. Runck, I. Kraft // *Arbeits- und Forschungsberichte für sächsischen Bodendenkmalpflege*. – 1999. – Bd. 41. – S. 17–25.
- Taute W.* Eine Tierkopffgravierung aus dem Spätmagdalenien von Saaleck, Kreis Naumburg / W. Taute // *Jahresschr. Mitteldt. Vorgesch.* – 1969. – N 3. – S. 193–198.
- Vialou D.* Frühzeit des Menschen / D. Vialou. – München : Verlag C. H. Beck, 1992. – 436 s.

Zoomorphic Images of Groitzsch in the Context of Paleoart Problems

I. V. Shmidt

F. M. Dostoevsky Omsk State University, Omsk

I. Kraft

Archaeological Heritage Office Saxony, Dresden

Abstract. This article is dedicated to the exploration of the informative nature of Paleolithic art using the example of a lithic figurine and an engraving of horses from the Paleolithic site Groitzsch (Germany, Saxony, Leipzig region). The site belongs to the Alleröd – Late Dryas stage with a valid borer-backed bladelet component. We briefly explain the history of the discoveries and artifacts as well as the most important relevant results of this late Paleolithic site rich in lithic finds (Late Magdalénian, ~14 500 Years BP). Except the presentation of unknown for the most of specialists the objects of art, the issue of verification methods for flinty mobile Paleolithic figurines is raised again. The article argues that unity of the image and plot of engravings became an important argument for identifications of flinty figurine. The specifics of flinty figurine are supposed to be in volume transmission of mono-image. The composition and visual language of this figurine are brought to the fore as the interest in the interpretation of this language among the scientists grows again. The uniqueness of the selected material is considered as evidence of the existence of several inherent image formats. Etchings' features form separate research field. The engravings executed on a tile of black slate are well read, but, apparently, have different authors. It is confirmed by distinction of stylistics of images, a difference in realization of key details of images, masters used different tools. There are signs of an order of their emergence on a plate and traces of destruction they images. Paleoart context of materials under consideration can be represented in following way: authorship of etching images – there is suggestion about three masters took part in creating etchings; interpretation of a story line, that is, obviously, dedicated to horse hunting, bringing together etchings and figurine; epistemological order of creating flinty image and its following representation in archaeological artifacts collection; argumentation in favor of the fact of existing “art flint” in the Late Paleolithic epoch.

Keywords: Western Europe, Northern Saxony, Paleolithic, mobile art, images of horses.

References

- Anati E. *Höhlenmalerei*. Düsseldorf, Albatros Verlag, 2002, 422 S. (In German)
- Bednarik R. G. An Acheulian haematite pebble with striations. *Rock Art Research*. 1990, Vol. 7, pp. 75.
- Bednarik R. G. The «australopithecine» cobble from Makapansgat, South Africa. *South African Archaeological Bull.* 1998, Vol. 53, pp. 4–8.
- Bednarik R. G. An Acheulian figurine from Morocco. *Rock Art Research*. 2001, Vol. 18, pp. 115–116.
- Bednarik R. G. A figurine from the African Acheulian. *Current Anthropology*. 2003, Vol. 44 (3), pp. 405–413.
- Bosinski G., Fischer G. Mammut- und Pferdendarstellungen von Gönnersdorf. *Der Magdalenien-Fundplatz Gönnersdorf*. Wiessbaden, Steiner, 1980, Band 5, 146 S. (In German)
- Chase P. G., Dibble H. L. Middle Palaeolithic symbolism: A review of current evidence and interpretations. *Journal of Anthropological Archaeology*. 1987, Vol. 6, pp. 263–296.

Chubur A. A. Antropomorfnyaya kremnevaya skulptura paleolita [Flint anthropomorphic sculpture of the Paleolithic]. *V (XXI) Vserossiiskii arkheologicheskii siezd [V (XXI) All-Russian Archaeological Congress]*. Barnaul, 2017, pp. 1140–1141. (In Russ.)

D'Errico F., Nowell A. A. New Look at the Berekhat Ram Figurine: Implications for the Origins of Symbolism. *Cambridge Archaeological Journal*. 2000, N. 10, pp. 123–167.

D'Errico F., Gaillard C., Misra V. N. Collection of nonutilitarian objects by Homo erectus in India, Hominidae. *Hominidae*. Milan, Jaca Book, 1989, pp. 237–239.

D'Errico F., Henshilwood C., Lawson G., Vanhaeren M., Tillier A.-M., Soressi M., Bresson F., Maureille B., Nowell A., Lakarra J., Backwell L., Julien M. Archaeological Evidence for the Emergence of Language, Symbolism, and Music – An Alternantive Multidisciplinary Perspective. *Journal of World Prehistory*. 2003, Vol. 17 (1), pp. 1–70.

Derevyanko A. P., Krivoshepkin A. I., Larichev V. E., Petrin V. T. *Paleolit Vostochnykh predgorii Arts-Bogdo (Yunaya Gobi). Kamennyi vek Mongolii [The Paleolithic of the Eastern foothills of Arts-Bogdo (Southern Gobi). The Stone Age of Mongolia]*. Novosibirsk, IAET SB RAS Publ., 2001, 152 p. (In Russ.)

Edwards S. W. Non-utilitarian Activities in the Lower Palaeolithic: A look at the two kinds of Evidence. *Current Anthropology*. 1978, Vol. 19, Is. 1, pp. 135–137.

Fradkin E. E. Polieikonicheskaya skulptura iz verkhnepaleoliticheskoi stoyanki Kostenki-1 [Polieykoni sculpture from the Upper Paleolithic site Kostenki-1]. *Sovetskaya ethnographiya [Soviet Ethnography]*. 1969, Is. 1, pp. 135–143. (In Russ.)

Fradkin E. E. O neskol'kikh rannikh proizvedeniyakh izobrazitel'nogo iskusstva [About several early works of the fine arts]. *Sovetskaya ethnographiya [Soviet Ethnography]*. 1985, Is. 2, pp. 122–127. (In Russ.)

Goren-Inbar N. A figurine from the Acheulean site of Berekhat Ram. *Mitekufat Haeven*. 1986, N. 19, pp. 7–12.

Guepel V. Spätmagdalenien-Station Groitzsch, Kr.Eilenburg. *Archäologische Feldforschungen in Sachsen. Fünfzig Jahre Landesmuseum für Vorgeschichte Dresden*. Berlin, 1988, S. 36–39. (In German)

Hanitzsch H. Die Spätmagdalenien-Station Groitzsch bei Eilenburg (Fundplatz A). *Varia Praehistorica*. 1957, N. 2, S. 5–27. (In German)

Hanitzsch H. *Groitzsch bei Eilenburg. Schlag- und Siedlungsplätze der späten Altsteinzeit*. Berlin, VEB Deutscher Verlag der Wissenschaften, 1972, 121 S. (In German)

Khlopachev G. A. (Ed.). *Verkhniy paleolit: obrazy, simvoly, znaki. Katalog predmetov iskusstva mal'nykh form i unikalnykh nakhodok verkhnego paleolita iz arkheologicheskogo sobraniya MAE RAN [Upper Paleolithic: images, symbols, signs. Catalogue of art objects of small forms and unique finds from the Upper Paleolithic archaeological collection of the Museum of Anthropology and Ethnography RAS]*. St. Petersburg, Extraprint Publ., 2016, 384 p. (In Russ.)

Kiriyak (Dikova) M. A. Drevnee iskusstvo Severa Dalnego Vostoka kak istoricheskii istochnik (Kamennyi vek) [The ancient art of the Northern Far East as a historical source (Stone Age)]. Magadan, NEISRI FEB RAS Publ., 2000, 288 p. (In Russ.)

Kraft I. Die Pferdegravierungen von Groitzsch. Neues zu einem altbekannten Stück figürlicher Eiszeitkunst. *Archäo*. 2010, N. 7, S. 37–41. (In German)

Kunze H. *Unbekannte Funde der Vorzeit*. Fürth, Ulrich-Druck GmbH, 1982, 152 S. (In German)

Kühn H. *Die vorgeschichtliche Kunst Deutschlands*. Berlin, Propyläen Verlag, 1935, 612 S. (In German)

Larichev V. E. Iskusstvo verkhnepaleoliticheskogo poseleniya Malaya Syya: Datirovka, vidy ego i obrazy, ikh khudozhestvennyi stil i problema interpretatsii (predvaritel'noe soobshchenie) [The art of the Upper Paleolithic of Malaya Syya settlement: Dating, types of it and images of their art style and the problem of interpretation (preliminary report)]. *Izvestiya SO*

AN SSSR. Seriya obshchestvennykh nauk [News of the SB AS USSR. Series of social sciences]. 1978, Vol. 3, Is. 11, pp. 104–119. (In Russ.)

Lbova L. V., Volkov P. V., Dolgorukova N. A., Barkov A. V., Larichev V. E. Predmety neutilitarnogo naznacheniya verkhnepaleoliticheskogo mestonakhozhdeniya Malaya Syya (tekhnologicheskii aspekt) [Items of the non-utilitarian purpose in the collection of the Upper Paleolithic site Malaya Syya (technological aspects)]. *Vestnik NGU. Seriya: Istoriya, filologiya [Vestnik Novosibirsk State University. Series: History and Philology].* 2014, Vol. 13, Is 5: Arkheologiya i etnografiya [Archaeology and Ethnography], pp. 91–100. (In Russ.)

Leroi-Gurhan A. *Prähistorische Kunst. Die Ursprünge der Kunst der Europa.* Freiburg, Basel, Wien, Herder, 1971, 601 S. (In German)

Lorblanchet M. *Höhlenmalerei – ein Handbuch.* Sigmaringen, Thorbecke, 1997, 340 S. (In German)

Lotman Yu. M. *Semiosfera [Semiosfera].* St. Petersburg, Iskusstvo-SPB Publ., 2004, 704 p. (In Russ.)

Matthes W. Die Entdeckung der Kunst des Älteren und Mittleren Paläolithikums in Norddeutschland. *IPEK.* 1963, N. 21, S. 1–18. (In German)

Naisser U. *Poznanie i realnost. Smysl i printsipy kognitivnoy psikhologii [Knowledge and reality. Sense and principles of cognitive psychology].* Moscow, Progress Publ., 1981, 232 p. (In Russ.)

Narr K. J. Felsbild und Weltbild. Zu Magie und Schamanismus im jungpaläolithischen Jägertum. *Sehnsucht nach dem Ursprung. Zu Mircea Eliade.* Frankfurt a. M., Syndikat, 1983, S. 118–136. (In German)

Seiler M., Runck D., Kraft I. Ein neuer Schlagplatz des Spätmagdalénien von Groitzsch bei Eilenburg (Lkr. Delitzsch). *Arbeits- und Forschungsberichte für sächsischen Bodendenkmalpflege.* 1999, Bd. 41, S. 17–25. (In German)

Serikov Yu. B. O svoeobrazii kremnevoi skulptury Urala [About the uniqueness of sili-con sculptures of the Urals]. *Chelyabinskii gumanitarii [Humanist of Chelyabinsk].* 2011, Is. 1 (14), pp. 146–161. (In Russ.)

Serikov Yu. B. *Ocherki po pervobytnomu iskusstvu Urala [Essays of primitive art of the Urals].* Nizhny Tagil, Publishing house of the Nizhny Tagil State Social Pedagogical Academy, 2014, 268 p. (In Russ.)

Serikov Yu. B. Polieikonicheskie obrazy v skulpture Urala [Polieykoni images in a sculpture of the Urals]. *Materialy Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii «Zyryanovskie chteniya» (Kurgan, 10–11 dekabrya 2015 g.) [Materials of All-Russian scientific-practical conference "Zyryanovskie chteniya" (Kurgan, December 10–11, 2015)].* Kurgan, 2015, pp. 29–30. (In Russ.)

Sher Ya. A. *Pervobytnoe iskusstvo (problema proiskhozhdeniya) [Primitive art (origin problem)].* Kemerovo, Kemerovo State Institute of Arts and Culture Publ., 1998, 211 p. (In Russ.)

Shmidt I. V. Groych-10. Kremnevaya statuetka zoomorfa i ee dalnevostochnye paralleli [Groitzsch-10. Flint figurine zoomorph and its far Eastern Parallels]. *Mir drevnikh obrazov na Dalnem Vostoke [The World of ancient images in the Far East].* Vladivostok, 2006, Is. 15, pp. 55–65. (In Russ.)

Shmidt I. V. «Kremnevye» paradoksy – vizualnye praktiki paleolita ["Flint" the paradoxes – visual practices of Paleolithic]. *Vestnik Omskogo universiteta. Seriya «Istoricheskie nauki» [Herald of Omsk University. Series "Historical studies"].* 2014, Is. 4, pp. 79–85. (In Russ.)

Stepanova K. N. *Nemodifitsirovannye kamennye orudiya verkhnego paleolita Vostochnoi Evropy : avtoref. dis. ... kand. ist. nauk [Unmodified stone tools of Upper Paleolithic of Eastern Europe. Cand. of histor. sci. syn. diss.].* St. Petersburg, 2015, 33 p. (In Russ.)

Tabarev A. V. Kremnevaya plastika i problema dekorativnogo osvoeniya porod i mineralov v kamenom veke [Flint plastic and the problem of the development of decorative rocks

and minerals in the Stone Age]. *Arsenevskie chteniya [Arsenevsky readings]*. Ussuriysk, 1992, pp. 206–208. (In Russ.)

Taute W. Eine Tierkopfgravierung aus dem Spätmagdalenien von Saaleck, Kreis Naumburg. *Jahresschr. Mitteldt. Vorgesch.* 1969, N. 3, S. 193–198. (In German)

Vialou D. *Frühzeit des Menschen*. München, Verlag C. H. Beck, 1992, 436 S. (In German).

Шмидт Ирина Викторовна

кандидат исторических наук, доцент,
кафедра теологии и мировых культур,
социально-гуманитарный факультет,
сотрудник лаборатории археологических
исследований и экспертиз, Омский
государственный университет
им. Ф. М. Достоевского, Россия, 644077,
г. Омск, проспект Мира, 55а, корп. 2
e-mail: rebew@rambler.ru

Shmidt Irina Viktorovna

Candidate of Sciences (History), Associate
Professor, Chair of Theology and World
Cultures, Social and Humanitarian Department,
Staffer of Laboratory of Archaeological
Research and Expertise, F. M. Dostoevsky
Omsk State University, 2 housing, 55a,
Mira av., Omsk, 644077, Russia
e-mail: rebew@rambler.ru

Инго Крафт

доктор философии, куратор археологических
проектов Восточной Саксонии (Баутцен,
Гёрлиц, Саксонская Швейцария),
Археологическое ведомство Саксонии,
Германия, 01109, Дрезден, Цур Веттерварте, 7
e-mail: Ingo.Kraft@lfa.sachsen.de

Ingo Kraft

Doctor of Sciences (Philosophy), Head of
Division (East Saxony) and Regional Officer
(County Bautzen, Görlitz, Saechsische Schweiz-
Osterzgebirge), Archaeological Heritage Office
Saxony, 7, Zur Wetterwarte, Dresden, 01109,
Germany
e-mail: Ingo.Kraft@lfa.sachsen.de